

мы ждали васъ съ другими вѣстями. Надѣялись услышать отвѣтъ на счетъ Петра. Надумали что, или нѣтъ?

— Надумалъ, Иванъ Яковлевичъ, надумалъ. Какъ же, помилуй! Я объ этомъ дѣлѣ думаю ежеминутно и — надумалъ.

— Что же надумали-то? — спросила Авдотья Семеновна, передавая ему стаканъ чаю; — объявите ужъ и намъ. А то время идетъ, Петя — ни въ тѣхъ — ни въ сѣхъ, да и мы тоже сердцемъ болѣемъ.

— Ни-ну, это вы, достопочтеннѣйшая Авдотья Семеновна, совсѣмъ ужъ напрасно; совсѣмъ напрасно! Никогда и ничего не принимайте близко къ вашему чувствительному сердцу, — это вамъ мой совѣтъ. Излишняя чувствительность можетъ вредно отозваться на вашемъ нѣжномъ организмѣ. Вотъ вамъ примѣръ — моя Аннета. Она отъ того только и больна, что все къ сердцу принимаетъ. И вотъ — не здорова! А для меня развѣ легко это, а?

Лапкинъ, вѣроятно, и самъ понималъ, что глалъ непозволительно; но такова ужъ была его страсть рисоваться и болтать; въ настоящемъ же случаѣ болталъ онъ не безъ задней мысли, желая уклониться отъ прямого отвѣта. Не малое время продолжалось это переливанье изъ пустого въ порожнее: Большаковъ еще разъ повторилъ вопросъ; но Лапкинъ, какъ бы и не слыхалъ о чемъ его спрашивали и продолжалъ прерванную рѣчь:

— Прекрасный молодой человекъ вашъ Петръ Ивановичъ! Оно, впрочемъ, и понятно: — у такихъ благочестивыхъ и строгихъ родителей, какъ вы, плохого дѣтища быть не можетъ. Но... къ обоюдному нашему прискорбію, долженъ сказать откровенно, что практическаго развитія ему недостаетъ — вотъ что! Я намѣреваюсь заняться имъ серьезно... Даю вамъ слово сдѣлать изъ него человека!

— Это вы, Василій Никандрычъ, — горячо возразилъ Большаковъ: — совсѣмъ напрасно будете утруждать себя. Я Петра знаю, онъ не изъ податливыхъ; свое дѣло ведетъ хорошо — большаго и не требуется.

— Э-э, нѣтъ-съ, Иванъ Яковлевичъ, нѣтъ! — позвольте ужъ не согласиться съ вами. Таланта зарывать въ землю не слѣдуетъ, необходимо пускать его въ оборотъ и приумножать... Нда-съ!.. Берите примѣръ съ меня... — но языкъ его, вѣроятно, отъ близкаго сосѣдства съ закуской, костенѣлъ и не успѣвалъ за мыслью; Лапкинъ начиналъ путаться и, чтобы замаять это, сказалъ: что

— Водка у васъ, доложу вамъ, превосходная; отъ Пѣночкина?

— Отъ него.